

ВВЕДЕНИЕ: ТРИ РЕДАКТОРСКИХ ГОЛОСА О ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Этот выпуск журнала «Перекры́стки» посвящен 20-летию Центра гендерных исследований Европейского гуманитарного университета. ЦГИ был частью больших социальных и политических изменений в регионе. Хотя для нас центр является во многом уникальным сообществом единомышленниц и единомышленников, которые смогли сохранить профессиональные и личные связи между собой и с центром несмотря на значительные изменения в условиях существования, тем не менее мы все же осознаем, что ЦГИ – одна из ряда похожих структур, возникших практически одновременно в России, Украине, Беларуси, Казахстане, Польше, Чехии и других странах региона после распада социалистического лагеря. Мы используем эту важную для нас и наших коллег дату для того, чтобы посмотреть, как гендерные исследования развивались на постсоветском пространстве, что стало с ними и с нами и как они оказались основным «врагом» национальных правительств и государств в условиях консервативного поворота, который мы наблюдаем в регионе сегодня.

Тексты, представленные в этом номере, во многом отличаются интересом к личному опыту, рефлексивным взглядом на исследовательскую биографию самих авторо_к, что отчасти спровоцировано самим запросом юбилейного номера, но также имеет свою историю в феминистском письме. Феминистская теория давно легитимировала «личное» как источник для академических размышлений, рассмотрев в нем отражение работы власти и действие структурных факторов, а также определенный эмансипаторный потенциал. Значимую часть выпуска составляет не столько строгое монологическое авторское письмо, сколько тексты, созданные в

результате диалога и обсуждения. На наш взгляд, эта стратегия позволила нам создать и сделать более очевидным пространство для феминистского взаимодействия в подготовке номера.

Поддерживая диалогический характер этого номера и его интерес к непосредственному опыту, мы решили усложнить монолитный редакторский голос, придать ему полифоническое звучание и сделать очевидными наши собственные истории. Тем более что каждый_ая из нас становил_ась частью гендерного сообщества в ЕГУ в разные моменты его существования и в какой-то мере наши индивидуальные биографии несут следы этих различий, во многом отражая те более общие социальные и политические процессы, которые происходили вокруг центра за 20 лет его существования. Наши биографии также в чем-то перекликаются с историями развития гендерных исследований в регионе, представленными в интервью с теми, кто стояли у истоков развития гендерной теории на пространстве, которое сейчас уже очень условно можно обозначить как «пост-социалистическое».

Истории ЦГИ в редакторском многоголосии

Бен: начало¹

Оказавшись в 2001 г. в ЕГУ в Минске, имея бакалаврскую степень во французской и русской филологии университета Бристоля и докторскую степень университета Оксфорда, я не мог поверить в свою удачу. Здесь я встретил сообщество высокообразованных и заинтересованных исследователь_ниц, собравшихся вокруг Альмиры Усмановой и Андрея Горных, для дискуссий о междисциплинарных исследованиях в контексте быстрых и противоречивых социальных и культурных изменений. Одним из ключевых центров этой активной интеллектуальной жизни был Центр гендерных исследований, основанный Еленой Гаповой и Альмирой Усмановой в 1997 г. Имея скромный офис и библиотеку в корпусе ЕГУ, который в то время располагался по улице П. Бровки в Минске, ЦГИ был одновременно реальным и символическим местом встреч для инициатив, объединяющих различные университетские программы. Для меня, ученого, недавно получившего степень доктора наук и погруженного в критическую теорию, интерес к гендерным исследованиям в постсоциалистической академии был проектом, который сочетал постструктуралистскую проблематизацию статуса знания с ясным и актуальным социальным посылом. Именно гендерные исследования предлагали теоретическую оптику для детального пересмотра советской политики в вопросах социальной справедливости: с одной стороны, отмечая ее успехи в преодолении гендерного неравенства, с другой же, пока-

¹ Этот и другие текстовые фрагменты Бена были написаны им по-английски и переведены нами – О.С. и Е.М.

зывая то, как революционный посыл оказался трансформированным в патриархальную диктатуру партии, воспроизводящую гендерную дискриминацию. Был ли провал социалистической гендерной политики провалом на уровне ее реализации или же неспособностью увидеть, что гендерное равенство требует других теоретических подходов, чем те, которые были доступны строителям коммунизма? Этот вопрос казался мне актуальным в тот период времени. Гендерные исследования как порождают этот вопрос, так и задают определенный импульс для революционных преобразований. ЦГИ был пространством, где в 2000-е все еще можно было встретить восхищение тем значением, которое идеи имеют для социальных изменений, чувство, что академическая работа необходима для того, чтобы изменить общество к лучшему.

Мне тогда казалось, что гендерные исследования предоставляют теоретическую перспективу для анализа общественных процессов, актуальных в переходе от социализма к тому, что, по словам Катарин Вердери, «приходит потом» (Verdery 1996). Именно в ситуации этого движения от социализма к еще неизвестному социальному устройству вопросы, которые давно находились в центре внимания гендерных исследований, – анализ роля тела и сексуальности, изменяющихся пониманий приватного и публичного, конструирования маскулинности и феминности, ценности женского и мужского труда, гендерных измерений несправедливости капитализма и т.д. – являлись не только ключевыми для понимания текущих изменений, но также позволяли увидеть гендерное знание в новом свете.

Кроме того, гендерные исследования проблематизируют и саму форму создания и передачи знания, что, как мне кажется, находится в фокусе ЕГУ как институции, которая не только предлагает новые дисциплины, но также создает другую атмосферу преподавания, отказываясь от иерархичных форм передачи знания, характерных для традиционной постсоциалистической академии. Ставя под сомнение нейтральность знания, проблематизируя власть, аффекты и сопротивление, гендерная теория была важным ресурсом в моих попытках переосмыслить и изменить то, что происходит в самой учебной ситуации. На уровне университета как институции гендерный подход открывает вопросы, которые до сих пор остаются актуальными как для ЕГУ, так и для многих других университетов: почему в университетах, которые считаются колыбелью просвещения, большинство преподавателей – мужчины, а студенток – женщины и чем выше по иерархической лестнице, тем заметнее эта тенденция? С позиции гендерной теории, преподавательницы не просто передают знание, которое должно быть усвоено студентами, скорее преподавательницы и студенты должны находиться в творческих отношениях совместного производства идей, аффекта, смыслов. Куда это нас может привести, менее очевидно. Но в таких проектах, как цикл календарей «Женщины в Беларуси: история в повседневности», который ЦГИ издавал с 2001 по 2007 г., или в курсах «Гендер и капитализм», который я

преподавал совместно с Надей Гусаковской и «Гендер и пространство» с Ольгой Сасункевич, я вижу примеры появления новых идей, репрезентативных форм и способов сотрудничества в постсоциалистическом контексте.

Факт, что развитие гендерных исследований стало возможным благодаря западным донорам и доступу к западным теориям, в то время не казался мне важным. Я думаю, что восприятие гендерной теории как части западного гегемонного проекта не позволяет полностью оценить ее критический потенциал для самого западного общества. Так же, как и то, что гендерные исследования, воплощая в себе связь между академией и активизмом, могут быть непосредственно вовлечены в проекты социальных изменений, само по себе мне не кажется негативным явлением, хотя зачастую это то, что является основанием для отказа им в научности. Вероятно, в моем случае такая позиция обоснована определенными структурными условиями: как молодой мужчина среднего класса с британским образованием, временно проживающий в Беларуси, я имел определенную привилегированную позицию в социальном окружении, в котором я находился и которое пытался понять. Более того, факт, что я был представителем одного из последних поколений британских студентов, которые имели право на бесплатное обучение, оказал определенное раскрепощающее влияние на мое сознание. Так, я выбрал изучать французский и русский языки в 1991 г., несмотря на то и, возможно, именно потому, что я ничего не знал о России или русском языке в то время. Эта привилегия следовать своим интересам была связана с определенной организацией академической системы и моими финансовыми обстоятельствами, что определенно контрастирует с историями моих коллег, со-редакторов этого номера.

20 лет спустя политический консервативный откат, который мы наблюдаем не только в большинстве стран Восточной Европы, но и за ее пределами, заставляет меня задумываться о том, что все-таки пошло не так? Гендер стал ключевым термином в этом процессе, используемым, чтобы огулом обвинить всех, кто поддерживает гендерную повестку, в причастности к негативным тенденциям в глобальной политике. Гендер стал почти ругательством в устах политических популистов, которые противопоставляют его традиционным ценностям и культурной специфике в попытках мобилизовать национальные сообщества. Сопrotивление гендеру, его отрицание как «космополитической угрозы» парадоксальным образом происходит именно тогда, когда без всякого сопротивления неолиберальная экономика и товарный эротизм в регионе занимают ведущие позиции. Иными словами, мы находим себя в экстраординарной ситуации, когда английское слово «гендер» используется на различных языках региона, чтобы обозначать процессы, против которых всегда и была направлена гендерная теория! Неудивительно, что этот извращенный результат оказывает травматический эффект на тех, кто стояли у истоков развития гендерного знания. В темные времена самокопания я также задаю себе вопрос, что я сделал

не так или в какой степени я и моя личная история несут ответственность за такое развитие гендерных исследований в постсоциалистической Европе. Но на смену этим размышлениям приходят моменты просветления, которые созвучны многим идеям, озвученным в данном номере. В такие моменты текущий кризис кажется продуктивной ситуацией, позволяющей переосмыслить то, что произошло с гендерными исследованиями на постсоциалистическом пространстве, чтобы увидеть новые возможности их развития. Возможно, именно это сейчас и является самым важным.

Елена: Центр и лиминальное существование

Я поступила на магистерскую программу ЦГИ в 2003 г. Этот учебный год оказался последним для работы ЕГУ в Минске. Размышляя об этом стечении обстоятельств, я считаю большой удачей возможность быть свидетельницей и участницей того, как работал университет и, прежде всего, Центр гендерных исследований и его магистратура в «минский период». Впервые я узнала об университете в ситуации, когда ряд ключевых и любимых мною преподавателей отделения психологии Белорусского государственного университета, включая моего научного руководителя профессора Геннадия Михайловича Кучинского, были вынуждены оставить преподавание в нем и полностью перейти работать в ЕГУ. В этой ситуации мой научный руководитель благородно согласился продолжить руководить моим дипломным проектом, для консультаций с ним я приходила в ЕГУ. Уже то, как выглядело и что сообщало пространство университета о разнообразии академических мероприятий – семинарах с увлекательными названиями, выступлениях приглашенных лекторов, возможностях участия в конференциях на разных языках, говорило о совсем иной академической жизни.

Однако ЕГУ был частным университетом, и возможность обучения в нем для меня напрямую была связана с донорской финансовой поддержкой. В тот период ЦГИ имел финансирование от фонда МакАртуров, что и позволило мне оставить свою работу ради магистратуры. Все, кто учились в гендерной магистратуре, не только не оплачивали обучение, но и получали стипендию. Я поступила в магистратуру ЦГИ ЕГУ, отработав два года по распределению ассистенткой кафедры философии Витебского государственного технологического университета. Этот опыт придал особую ценность возможности оказаться в академической среде, критичной к разного рода нормативностям.

После переезда ЕГУ в Вильнюс была потребность в человеческих ресурсах – структуру надо было строить заново. Многие из тех, кто, как и я, закончили магистратуру, уже учились или имели планы на аспирантуру, оказались востребованы в тот период. С 2006 г. я стала преподавать в гендерной магистратуре курс по методам социальных исследований совместно с Сергеем Викентьевичем Сивухой. Сергей Викентьевич – человек, которого я считаю своим Учителем в

самом глубоком и сакральном смысле этого слова. Ему я обязана своим интересом к качественной методологии и глубоко признательна за поддержку своих первых исследовательских опытов.

В первые годы после переезда ЕГУ в Вильнюс центр все еще сохранял отдельную небольшую комнату с уникальным для Беларуси собранием академической литературы по гендерным исследованиям и двумя компьютерами в Минске. Это пространство было важным для поддержания нашего сообщества – туда приходили коллеги, выпускни_цы гендерной магистратуры, новые магистрант_ки в период между сессиями в Вильнюсе. Моя первая работа в центре была связана с созданием и администрированием электронной библиотеки по гендерным исследованиям на русском языке. При том, что в нашей книжной библиотеке по понятным причинам доминировали англоязычные издания, в силу большей доступности русского языка для постсоветского пространства, нам казалось важным собирать в единый открытый ресурс то, что публикуется по гендерной проблематике по-русски.

Через пару лет после переезда ЕГУ в Вильнюс интересы фонда МакАртуров переместились из Восточной Европы в другой регион и ЦГИ утратил финансирование. Мы продолжали работать: вместе с Женей Ивановой и Надей Гусаковской проводили гендерные семинары и тренинги в сотрудничестве с белорусскими НГО, были задействованы как эксперт_ки в проекте ПРООН в Беларуси по продвижению гендерного равенства, под руководством Елены Гаповой и Альмиры Усмановой организовали три конференции в Вильнюсе. Но поскольку в большинстве случаев рассчитывать могли только на свои силы и наличие оплачиваемой работы было непрогнозируемо заранее, развивать центр как некоторый совместный академический проект было крайне сложно. Не было ресурсов, чтобы привлечь тех новых выпускни_ц магистратуры, которые хотели бы остаться с нами, многие из тех, кто уже ассоциировали себя с центром, не имели необходимого академического статуса и степеней и балансировали между попытками упрочить свое существование в академии и совместными проектами. Наши собеседни_цы в интервью также размышляют о том, что связывает гендерное академическое сообщество и какой может быть его социальная миссия, указывают на хрупкость баланса между принадлежностью к сообществу и работой на его благо, на разные эффекты отсутствия этого баланса в современной академии – усталость, выгорание и разобщенность, которые порождаются растущей неоплачиваемой нагрузкой.

Тренинги и экспертная работа, хотя и придавали иную перспективу гендерному знанию и позволяли почувствовать жизнь по-другому, не были достаточными для того, чтобы уверенно существовать в академии. Все настойчивее вокруг меня звучало требование наличия академической степени, которое в сочетании с precariousным положением в университете преподаватель_ниц без трудового контракта и ограниченностью ресурсов для профессиональной реализации

в центре постепенно приводило к выбору между кардинальной сменой карьеры или поиском докторантуры. Таким образом в моей истории (как и в историях других людей из центра моего поколения – Жени Ивановой, Нади Гусаковской, Инны Хатковской) траектория профессионального поиска прошла через обучение в докторантуре западного университета. Получив докторантскую позицию в университете Лунда, я еще раз убедилась в том, что уязвимость и социальная незащищенность преподаватель_ниц – временные, краткосрочные контракты, значительная доля на самом деле неоплачиваемой работы – являются общей и, к сожалению, нарастающей тенденцией неолиберальной академии. Эти мои наблюдения созвучны тому, о чем говорит в своем интервью в этом номере Эльжбета Корольчук, а также обсуждает Елена Гапова в дискуссии с Андреа Пето.

Ольга: ЦГИ на пограничье

Я поступила в гендерную магистратуру ЕГУ в 2006 г. после окончания факультета журналистики Белорусского государственного университета. Тогда ЕГУ уже переехал в Вильнюс, но его состояние было все еще подвешенным: программы находились в процессе регистрации, а университет – в режиме становления и институционализации в новых условиях. Я делала выбор между стабильной магистратурой и аспирантурой в БГУ и заманчивой, но не имеющей понятных перспектив магистратурой в Вильнюсе, где процесс обучения не был регулярным, учеба строилась по принципу «заездов» – мы приезжали в Вильнюс несколько раз в год на 1–2 недели, встречались с преподаватель_ницами программы, слушали лекции. Конечно, выбор в пользу ЕГУ стал переломным для моей профессиональной жизни. Та карьерная и личная позиция, из которой я сейчас пишу о своем опыте, без учебы в ЕГУ, дальнейшего сотрудничества с ЦГИ, а также поддержки со стороны людей из Центра (здесь я в первую очередь имею в виду Лену, Надю Гусаковскую, Елену Гапову и Альмиру Усманову) была бы невозможна.

Учеба в ЕГУ стала для меня очень важным опытом, в ходе которого я четко осознала, что хочу работать в академии и заниматься исследовательской деятельностью. Но для моего поколения выпускни_ц гендерной магистратуры ЕГУ возможности остаться в университете были ограничены. Университет был под постоянным давлением литовских образовательных ведомств, которые хотели видеть там как можно больше «остепененных» людей. При этом после переезда ЕГУ в Вильнюс официально зарегистрированная докторантская программа появилась там далеко не сразу. Поэтому стало понятно, что, если я хочу работать в ЕГУ, надо защищать диссертацию. Сделать это в Беларуси было совсем нереально. В Литве тоже маловероятно. И тогда я стала поступать в европейские докторантуры. В итоге попала на международную программу в Германию, где защитила диссертацию в 2014 г.

После защиты я вернулась в ЕГУ уже на постоянную позицию лекторки Департамента медиа. А заодно стала координировать работу Центра. Это было попыткой «развиртуализировать» ЦГИ, заявить о нем как об исследовательском проекте, работающем как в Беларуси, так и в Европейском союзе. Но на исследования, и на академическое функционирование в целом, нужны инфраструктура и деньги. Если в 1990-е гг., по воспоминаниям некоторых участниц процесса развития ГИ в регионе (см. интервью с ними), доноры сами искали тех, кто мог бы реализовывать различные гендерные проекты в рамках программ развития демократии, в 2010-х гг. эта ситуация складывается совсем по-другому. Будучи литовскими институциями, ЦГИ и ЕГУ должны конкурировать за финансирование с исследовател_ницами из других стран Европейского союза. Но при этом и Еврокомиссией, и некоторыми фондами ЕГУ воспринимается не как академический, а как политический проект, цель которого – способствовать построению в Беларуси демократического общества. Это видение стало для меня очевидным, когда я попыталась убедить один немецкий фонд с левой повесткой поддержать академическую конференцию о феминизме и постсоциализме. Конференция задумывалась как форум для феминистских и гендерных исследовательниц, работающих с постсоциалистическим контекстом, но аффилированных как в «западных» университетах, так и в регионе. На это мне ответили, что фонд поддерживает образовательные проекты, реализуемые внутри Беларуси и в сотрудничестве с белорусским гражданским обществом. Таким образом, если в 1990-е финансирование способствовало развитию связей между гендерными исследовател_ницами региона и созданию профессионального академического сообщества вне национальных границ, то сейчас ситуация складывается по-другому. Как с сожалением отмечают некоторые наши собеседницы, академические связи в регионе сегодня обуславливаются исследовательской грантовой политикой, которая не всегда способствует развитию сотрудничества между гендерными исследовательницами из бывших социалистических стран. Существование Центра на пограничье в широком смысле (между Беларусью и Литвой, виртуальной и реальной жизнью, русскоязычными и англоязычными дискурсами, исследовательской политикой Европейского союза, предполагающей международное сотрудничество, и политической повесткой ЕГУ, направленной на «возвращение знания в Беларусь») ставит его деятельность в очень уязвимую позицию и требует поиска новых форм взаимодействия. Результатом одной из них, состоящей из коллективного виртуального сотрудничества через Skype, GoogleDocs и электронную почту и спорадических реальных встреч в Варшаве и Вильнюсе, является этот выпуск.

О социальных и политических контекстах этого номера

Представленные нами личные истории затрагивают вопросы структурных предпосылок и возможностей существования гендерных исследований в нашем регионе. Но что мы имеем в виду под этим регионом? Что это за пространство, опыт развития ГИ в котором обсуждается в данном выпуске? Среди наших авторо_к люди, имеющие разные исследовательские траектории и аффилированные в университетах/исследовательских институтах, география которых простирается от Канады до Японии. В своих текстах они пишут о гендерных исследованиях и феминистском/ЛГБТК активизме в России, Казахстане, Чехии, Польше, Украине, Литве. Все эти страны, конечно, можно условно отнести к постсоциалистическим. Но что мы понимаем под постсоциализмом спустя почти 30 лет после падения Берлинской стены? Может ли история (советского) социализма все еще выступать в качестве объединяющего опыта, позволяющего говорить о некотором общем контексте, в котором развивались гендерные исследования на протяжении этого времени? Нам кажется, что может, и мы видим много общего в тех тенденциях в развитии ГИ, – от эйфории 1990-х к антигендерной войне, объявленной гендерным исследованиям в России, Венгрии, Чехии и Польше – которые описывают наши автор_ки и собеседницы. Одновременно здесь также важно обозначить, что наша общая сложная история заставляет нас искать новые пути для гендерного активизма и иные модальности гендерной солидарности, которые могут быть актуальными и в других контекстах. Хорошим примером такого поиска является текст Нади Гусаковской, которая использует контекст женского протеста в ЮАР, чтобы переосмыслить собственный академический и активистский опыт в Беларуси и Литве.

Таким образом, определяя цель нашего выпуска как осмысление гендерных исследований на постсоциалистическом пространстве, мы понимаем это пространство не только как определенный географический регион стран бывшего Советского Союза и Восточного блока, но и как эпистемологическую позицию, из которой говорим мы и наши автор_ки. Эта позиция обусловлена общим историческим опытом, в ходе которого гендерные исследования в регионе стали возможными. Запрос на новое знание и стремление реформатировать старую академию; открытие границ и возможность начать взаимодействие с западными коллегами; наконец, финансовые вложения западных фондов в регион в стремлении подогнать его под универсальный («западный») канон демократического общества – эти предпосылки становления гендерных исследований объединяют опыт тех стран, речь о которых идет в данном выпуске. Постсоциализм – это также позиция периферии, которая необходима, чтобы децентрализовать западный универсализм (Stella 2015) и представление о том, что после социализма наступит «возвращение к нормальной жизни» (Stenning, Hörschelmann

2008: 320), где под «нормальным» понимается западная демократия и западная же модель капитализма. Происходящий на наших глазах антигендерный консервативный поворот в странах региона (и не только) – это тоже своего рода реакция на западную гегемонию, неокOLONIAльную политику ЕС и нежелание признавать постсоциалистические элиты равноправными партнерами. Для нас данный выпуск – попытка понять не только гендерные исследования, но и те более общие процессы «после социализма», частью которых они выступили. Оптика, формируемая в попытке осмыслить постсоциалистические гендерные исследования, позволяет посмотреть на обсуждаемый здесь исторический контекст в более широкой перспективе и понять, почему сценарий трансформации после социализма оказался несостоятельным и что может быть предложено в качестве его альтернативы.

Именно поэтому в нашем понимании столкновение с постсоциалистическим контекстом породило усиление напряженности и даже перегибы в том, что мы могли бы определить как «гендерное беспокойство». Попытка развить гендерные исследования внутри академических, социальных и политических структур, пришедших на смену социализму, не была успешной, надежды на социальные изменения так и остались неосуществленными. Более того, попытка «импорта» гендерной теории в постсоциалистический контекст подверглась большой критике, исходящей в первую очередь со стороны самих исследователей_ниц (чему посвящен ряд текстов этого выпуска) и одновременно подхваченной политическими популистами. Таким образом, перипетии гендерных исследований в регионе обнажают проблему непростого взаимодействия между модернизирующими дискурсами социальной эмансипации и процессами, в результате которых локальные контексты становятся частью глобальных конфигураций. В качестве примера можно привести размышления польской социолога Ядвиги Станицкис, которая писала о том, что момент победы революции Солидарности был украден у нее, когда она осознала, что Польша оказалась включенной в невидимые связи международного капитала, которые в значительно большей степени, чем, собственно, демократический пафос движения Солидарности, стали причиной распада социализма в Восточной Европе (Stanickis 2001). Автор_ки этого номера разделяют это беспокойство: в то время как принципы гендерных прав универсальны, их применение сегодня – это сложный процесс, в результате которого индивидуальные и групповые субъектности становятся частью глобальных властных отношений, в чьем контексте локальные опыты переживаются как бессилие и беспомощность (Tsing 2005). Этот момент ярко представлен в статье Натальи Павлович, где авторка критикует работу НГО, продвигающих женскую повестку в Грузии. В ее анализе сотрудницы неправительственных организаций оказываются неспособными распознать, что их собственная позиция – это позиция привилегий, сформированная как их классовой

принадлежностью в локальном контексте, так и взаимодействием с международными донорами.

Другим примером того, как беспокойство вокруг гендерной теории в пост-социализме является частью более широких социальных и политических процессов, является академия. Одним из основных ожиданий от развития гендерных исследований в регионе было изменение в понимании процесса производства знания. Гендерные исследования открыли пространство для переосмысления того, что является и считается знанием, как функционируют институты его производства и как знание может быть использовано за пределами академического поля. Однако, оглядываясь назад, становится очевидным, что не только постсоциалистические академические институты оказались невосприимчивыми к гендерно ориентированной реформе, но также сами исследовательницы часто занимают критическую позицию по отношению к ангажированности гендерной теории в социальную и политическую жизнь (что порой воспринимается как необходимость подчиняться требованиям международных доноров). Как ни грустно это осознавать, но критика, исходящая изнутри академического гендерного сообщества, была отчасти присвоена консервативными политиками, которые обвиняют гендерные исследования в идеологичности и псевдонаучности.

Мы также показываем в этом выпуске, что гендерная теория нашла свое место в таких сферах, как современное искусство, визуальная антропология, поэзия, картографирование и т.п., где статус знания не принимается как данность, а является предметом постоянных обсуждений. В нескольких интервью звучит идея о том, что гендерные исследования постоянно находятся под прицелом институциональных реформ, направленных на переопределение целей и результатов обучения и исследований в университетах под влиянием неолиберализации условий функционирования академии. Тот факт, что данный номер выходит в момент, когда в ряде стран региона релевантность гендерных исследований и социальных и гуманитарных наук в целом снова ставится под сомнение, не является совпадением. В то же время именно гендерные исследования все еще являются важной отправной точкой, из которой могут быть прочерчены новые пути и способы проникновения академических исследований в политический активизм, организации и пространства сопротивления. Таким образом, беспокойства вокруг гендерных исследований, обнаруживаемые во всех текстах этого номера, могут быть также прочитаны как попытка вновь переосмыслить роль академии в обстоятельствах консервативного поворота и глобальной реакционной политики в отношении гендерной повестки.

Спустя 20 лет и геополитические горизонты социальных трансформаций Восточной Европы, и гендерный ландшафт выглядят совершенно по-иному: вместо того чтобы функционировать как идеал более прогрессивного (включая гендерное измерение) общества, «Европа» сегодня представляется как туманный проект, давший трещину. Реакции на текущую политическую и эконо-

мическую нестабильность все чаще описывают в терминах *backlash*-возврата к «традиционным», консервативным ценностям и повесткам, сворачивания критических исследований и ограничения возможностей для существования альтернативного знания и действия. Современные популистские политики осуждают гендерное равенство, видят в нем одно из проявлений кризиса Европы и возвращаются к дискурсу национализма в целях защиты культурных различий, в которых гендерный вопрос (понимаемый теперь как перегибы насаждаемой политической корректности) играет ключевую роль. В этом номере конкретные примеры задействования антигендерного дискурса как политического механизма в продвижении правой националистической повестки в регионе представлены в статье Агнешки Графф и дискуссии Андреа Пето и Елены Гаповой. В то же время подобные тенденции не являются исключительными для Восточной Европы, скорее, наоборот, имеют глобальный масштаб. Так, процессы, сопутствующие Брекзиту, электоральному успеху правых сил в Австрии и Франции и избранию Трампа президентом США, были во многом связаны с поддержанием моральных паник в отношении ряда гендерно, этнически и классово маркированных социальных групп (например, мигрант_ки) (Hozic and True 2017; Kimmel 2017). В то же время конструирование враждебной друговости этих социальных групп и перенос на них ответственности в усугублении социальных и экономических проблем западного неолиберального общества на самом деле скрывает продвигаемую правыми политическими силами политику восстановления статуса-кво – прежде всего, привилегий белого состоятельного гетеросексуального мужчины, подрываемых различными эмансипаторными движениями, включая феминизм (Wodak 2015). Через сто лет после того, как под влиянием суфражистского движения британские женщины получили право голоса, через пятьдесят лет после социальных протестов мая 1968 г. и тридцать лет после падения коммунизма в Восточной Европе левые политические силы, кажется, утратили способность предложить такой политический проект, в котором гендерное равенство являлось бы частью более широкой и привлекательной для широких масс политики социальной справедливости.

Ценности и смыслы, воплощенные в номере

Рефлексируя по поводу процесса работы над данным выпуском, мы увидели, что те проблемы и вызовы, с которыми мы столкнулись, являются симптоматичными для описываемого нами контекста. В академическом плане мы столкнулись с разными представлениями о процессе академического письма и отношениях с текстом. Стараясь работать по стандартам международной академии и отправляя все тексты на рецензирование, мы поняли, что процесс рецензирования и реакция на него по-разному понимаются и автор_ками, и рецензент_ками. Процесс сведения разных академических стандартов воедино не был про-

стым, но нам кажется, что в итоге у нас это получилось, хотя в некоторых случаях мы позволили себе пойти наперекор мнению рецензент_ок. В то же время этот опыт стал для нас поводом подумать о том, что такое академические стандарты в международной академии, когда исследователь_ницам из условных «Запада», «Востока», «Севера» и «Юга» все чаще приходится работать вместе.

В нашем восприятии эти стандарты не являются чем-то застывшим и само собой разумеющимся, скорее, наоборот, мы хотели бы подчеркнуть определенную открытость и многообразие современного академического письма, его интерес к литературным формам и визуальным экспериментам. Мы рады представить в этом номере, с одной стороны, разные режимы традиционного академического высказывания – от классической академической статьи до текстов интервью с ключевыми гендерными исследователь_ницами. С другой стороны, наши автор_ки – Надя Гусаковская, Алекса Тим, Ирина Чайка и Юлия Батура – предложили ряд примеров неконвенциональной формы представления исследовательский идей.

Пространство академического высказывания расширяется в этом номере и благодаря нашему сотрудничеству с феминистскими активистками и литераторками. Поэтому здесь присутствует как исследовательский взгляд на активизм, представленный в статье Натальи Павлович, так и собственно рассказ от первого лица – рефлексии Жанар Секербаяевой о ее работе в гражданской инициативе в Казахстане. Кураторка и исследовательница искусства Надя Плунгян делится своим видением процессов, происходящих в феминистском искусстве в России. Включенные в выпуск стихи Ольги Гапеевой, Лины Казаковой и Юли Тимофеевой – это концептуально нагруженные поэтические тексты, которые, будучи помещенными в конце, совсем не предлагают читатель_ницам расслабиться после ознакомления с академическими статьями, а, наоборот, требуют еще большего погружения и осмысления того, как феминистские идеи могут быть значимой оптикой за пределами академии.

В номере, посвященном развитию гендерных исследований на постсоциалистическом пространстве, мы не могли не отреагировать на актуальные и довольно brutальные последствия антигендерной политики – угрозу закрытия Европейского университета в Санкт-Петербурге и приостановление деятельности Центрально-Европейского университета в Будапеште. Гендерные программы обеих институций на протяжении долгих лет были нашими партнерами. Елена Здравомыслова и Анна Темкина из ЕУ СПб в разные годы преподавали в магистратуре по гендерным исследованиям, открытой в ЕГУ на базе Центра в 2001 г. В 2007–2010 гг. сотрудни_цы ЦГИ участвовали в проекте HESR, направленном на развитие магистерских программ по гендерным исследованиям, совместно с Департаментом гендерных исследований ЦЕУ и гендерной программой Тбилисского государственного университета. Когда в 2004 г. закрывался ЕГУ в Минске, это казалось экстраординарным событием и эксцентричной выходкой

со стороны белорусского авторитарного режима. С позиции сегодняшнего дня это можно прочесть как первый признак более общей тенденции к консервативному откату, захлестнувшей регион. Ситуация вокруг ЦЕУ и ЕУ разворачивалась буквально в процессе работы над этим выпуском. Нашей реакцией на нее и способом выразить солидарность с коллегами стало интервью с Анной Темкиной (ЕУ), а также диалог между Еленой Гаповой (ЦГИ) и Андреа Пето (ЦЕУ).

Попытки говорить о постсоциалистическом пространстве, не сводя его при этом к постсоветскому, поставили перед нами вопрос языка. В то же самое время мы понимали, что подготовка англоязычного номера являлась бы не меньшим дискомфортом и практикой исключения как для авторского участия, так и для аудитории. Мы видели свой приоритет в том, чтобы внести вклад в развитие гендерной дискуссии на языке, доступном нашему непосредственному окружению. При этом мы не могли не учесть историю появления центра и его связь с белорусским контекстом. В наш выпуск вошли тексты и стихи на белорусском языке. Мы также приложили усилия в расширении географии авторо_к: подготовленные переводы с английского сделали возможным участие в номере коллег из Польши, Чехии и Венгрии. Другим аспектом выражения идеи включения, значимой для феминизма и гендерной теории, стали используемые нами на протяжении всего номера лингвистические формы – использование феминитивов и особого, подчеркивающего гендерный континуум написания множественного лица одушевленных существительных.

Завершая подготовку этого номера, мы хотели бы поделиться с вами одним из значимых итогов этого опыта совместной работы. Для каждо_й из нас решение участвовать в этом проекте было непростым, поскольку работа над ним пришла на непростые периоды в наших жизнях, связанные с переездом в другую страну, завершением диссертации и участием в большом количестве проектов за пределами академии. Тем не менее для нас было важным с помощью этого выпуска выразить благодарность людям, которые стояли у истоков Центра и которым мы признательны за создание сообщества вокруг него, – Елене Гаповой и Альмире Усмановой. Мы также воспринимаем процесс совместной работы как акт сопротивления индивидуализации, доминирующей в неолиберальной академии. Коллаборативность данного выпуска не сводится к сотрудничеству между редактор_ками. Мы выражаем признательность нашим автор_кам, собеседни_цам, рецензент_кам и всем тем, кто помогали в этом процессе, и лично Людмиле Малевич и Виктории Константюк.

Литература

Nozic, Aida and True, Jacqui. Brexit as a Scandal: Gender and Global Trumpism, *Review of International Political Economy*. 2017. 24(2). P. 270–87.

- Kimmel, Michael. Trump's Angry White Men. *The World Today*. 2017. December/January. 73 (6). P. 14–17.
- Staniszki, Jadwiga. *Postkomunizm*. Gdańsk: slowo/obraz terytoria, 2001.
- Stella, Francesca. *Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia: Post/Socialism and Gendered Sexualities*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.
- Stenning, Alison and Hörschelmann, Kathrin. History, Geography and Difference in the Post-socialist World: Or, Do We Still Need Post-Socialism? *Antipode*. 2008. 40 (2). P. 312–335.
- Tsing, Anna. *Friction: an Ethnography of Global Connection*. New Jersey: Princeton Univ. Press, 2005.
- Verdery, Katharine. *What was Socialism and What Comes Next?* Princeton: Princeton University Press, 1996.
- Wodak, Ruth. *The Politics of Fear. What Right-Wing Populist Discourses Mean*. London: Sage, 2015.